

10. National Security Strategy [Электронный ресурс] // The Cabinet Office: Official website. URL: <http://www.cabinetoffice.gov.uk/resource-library/national-security-strategy-strong-britain-age-uncertainty> (дата обращения 20.12.2011).
11. Niblett R. Rethinking to its Strengths: Rethinking the UK's Role in a Changing World. Briefing Paper. L.: Catham House, 2010.
12. Roughneen S. After BRIC comes MIST, the acronym Turkey would certainly welcome [Электронный ресурс] // The Guardian. 2011. URL: <http://www.guardian.co.uk/global-development/poverty-matters/2011/feb/01/emerging-economies-turkey-jim-oneill> (дата обращения 10.03.2013).
13. Sandikli A. Turkey's Strategy in the Changing World. — Istanbul: BiLGESAM Publications. 2009.
14. Turkey's economy is overheating [Электронный ресурс] // The Economist. 2011. URL: <http://www.economist.com/node/18651739> (дата обращения 10.03.2013).

О. А. Михо,
студентка УрГЭУ, г. Екатеринбург

К вопросу о деиндустриализации экономики США¹

Родоначальниками теории постиндустриального общества являются американские социологи Д. Рисмен и Д. Белл. Последний впервые употребил это понятие в том значении, в котором оно употребляется сегодня, т. е. обозначил этим термином общество, в котором индустриальный сектор теряет свою доминирующую роль из-за значимости технологического компонента, а основными факторами производства становятся наука и знания. Д. Белл выделил следующие концептуальные основы постиндустриализма: преобладание объемов производства услуг, связанных с управлением, обеспечением информацией, наукой, исследованиями, образованием, здравоохранением и т. д., над объемами производства материально-вещественных благ

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 13-32-01003 «Разработка модели адаптации государственной аграрной политики РФ к требованиям ВТО».

в структуре ВВП, повышение роли высококвалифицированных специалистов и теоретических знаний, развитие интеллектуальных технологий [2, 955].

Таким образом, теоретическое знание приобрело роль основного производственного ресурса, образование превратилось в важнейшую социальную ценность, возник новый класс, который В. Л. Иноземцев в своих книгах «Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы» и «Расколотая цивилизация» условно назвал «классом интеллектуалов». Результаты выше обозначенных трансформаций наглядно отражаются в цифрах, не требующих комментариев. В США только с начала 1930-х до середины 1960-х гг. численность персонала научно-исследовательских учреждений возросла более чем в 10 раз, а затраты на науку и образование достигли к 1972 г. 14,8 % валового национального продукта. Если на 100 работников американской промышленности накануне «великой депрессии» приходилось только 3 выпускника колледжа, то к началу 1960-х гг. этот показатель увеличился в 6 раз. В 1890 г. лишь 7 % американцев в возрасте от 14 до 17 лет учились в средней школе, теперь — более 90 %. В 1940 г. лишь около 15 % выпускников школ в возрасте от 18 до 21 года становились студентами вузов, к середине 1970-х гг. их было почти 50 %, а в 1993 г. — 62 % [3].

Возвышение «класса интеллектуалов» не только дало постиндустриальным странам мощный импульс развития, но и резко нарушило привычное соотношение сил на мировой арене, определив, с одной стороны, самодостаточность западного мира, а с другой — реальные масштабы пропасти между высокотехнологичным Западом и странами, неспособными использовать преимущества современной научной и технологической революции.

К концу XX в. постиндустриальные страны достигли неоспоримого лидерства не только в сфере собственно научно-технических разработок, но также в промышленности и аграрном секторе. Из 500 крупнейших промышленных и сервисных корпораций 407 были сосредоточены в странах «большой семерки» [7, 5–6]; 24 тыс. транснациональных компаний, составляющих основу современного мирового экономического порядка, имели штаб-квартиры в 14 наиболее богатых странах мира [5, 263]. Объем продаж крупнейших промышленных конгломератов, таких как «Mitsubishi», «Mitsui»

и «Itochu», превосходил валовый национальный продукт Индонезии, Турции, Дании, Таиланда, Гонконга, Саудовской Аравии и большинства других менее развитых стран [3]. На протяжении последних десятилетий XX в. научно-технический прогресс западного мира вывел его на ведущие позиции и в аграрном секторе, где казалось бы дешевый труд крестьян в развивающихся странах давал последним неоспоримые преимущества. В 1969 г. экспорт сельскохозяйственных товаров из США оценивался в 6 млрд. долларов; в 1985 г. он составлял 29 млрд. долларов, а в 1994 г. — более 45 млрд. долларов. Средняя урожайность зерновых в Нидерландах в 1995 г. достигла 88 центнеров с гектара, тогда как в Ботсване она не превышала 3,5 центнеров, а себестоимость производстве зерна в Техасе, где аграрный рабочий получал до 8 долларов в час, стала ниже, чем в Нигерии, где крестьянин зарабатывал 40 центов в день [3].

Более того, усиливалась тенденция разделения современного мира. Научно-техническая революция не только способствовала укреплению ведущего места западных стран в мировой экономике, но и радикальным образом снижала роль государств «третьего мира», выступавших, как правило, поставщиками сырья или продукции массового индустриального производства. Вдобавок, произошло мощное сокращение потребности в природных ресурсах. США при выросшем в 2,5 раза валовом национальном продукте использовали в 1998 г. меньше черных металлов, чем в 1960 г., а потребление нефти и газа в расчете на доллар произведенного в США валового национального продукта упало на 29 % только с 1980 по 1997 гг. [3].

Однако мировой экономический кризис 2007–2009 гг. показал несостоятельность постиндустриальной модели. Современное мировое хозяйство приводит нам классический пример чрезмерного углубления в постиндустриализм сквозь все ту же призму снижения эффективности технологического уклада, активизации переноса производственных звеньев на периферию и спровоцированного этими параметрами роста структурной безработицы, усиливающего социальное расслоение в экономике США. Так, за 1990–2010 гг. удельный вес США в мировом промышленном производстве снизился с 21,6 до 18,2 %, в то время как доля КНР за этот же период возросла с 3,0 до 18,9 %. Параллельно число занятых в товаропроизводящем секторе Соединенных Штатов сократилось с 18,8 до 11,5 % экономически

активного населения, а дефицит платежного баланса расширился с 0,9 до 3,2 % ВВП. Нейтрализация этих негативных явлений форсированием строительства «экономики знаний» обернулась ситуацией, когда в США «сосредотачиваются обесценивающиеся технологии, а в развивающихся странах — добавленная стоимость» [4, 150].

За исключением уже известных последствий — повышения уровня безработицы и «вымывания» из экономики США среднего класса как такового (чья доля в структуре общества за 1971–2011 гг. упала с 61 до 51 % [4, 152]), — хай-тэк сфера, на которую Штаты делали упор как на наивысшую ступень развития постиндустриального общества, увы, тоже не завоевала главенствующие позиции в структуре ВВП и занятости населения (в 2010 г. — 2,5 % и 1,1 % соответственно) [4, 151]. Более того, в период 2004–2010 гг. 85 % прироста рабочих мест в сфере НИОКР пришлось на зарубежные филиалы американских ТНК, а 57 % присуждаемых университетами страны докторских степеней по техническим наукам получали иностранцы, из которых 2/3 имели китайское гражданство [8, 2–5]. Кроме того, переизбыток производственных мощностей и снижение нормы прибыли привели к тому, что относительно избыточные объемы транснационального капитала, не находя мест прибыльного помещения в реальной экономике, стали все активнее реинвестироваться в финансовый сектор США, образуя разрушительные «пузыри», угрожающие стабильности как американской, так и всей мировой экономик [4, 153].

Необходимость решения данного широкого спектра социально-экономических недугов ставит в повестку дня перед крупнейшими экономиками мира задачу восстановления и воссоединения своего индустриального базиса.

Далеко не случайно президент Обама в своей ежегодной речи перед Конгрессом с гордостью перечисляет компании, возвращающие производство в страну: «“Caterpillar” возвращает производство из Японии, “Ford” — из Мексики. После размещения своих заводов в других странах вроде Китая “Intel” открывает свои самые высокотехнологичные фабрики дома, и наконец в этом году Apple снова начинает собирать свои “Макинтоши” в Америке» [1]. Более того, президент США озвучивает целый ряд мер, которые Конгрессу необходимо принять, чтобы американские производители стали лидерами на иностранных рынках, а сама Америка — крупным центром

по привлечению рабочих мест [6]. Так, президент США заявляет о пакете мер в размере 7 млрд. долларов, направленных на восстановление производства и его дальнейшего использования в качестве площадки для создания более высокооплачиваемых рабочих мест. Притом 6 млрд. из них пойдут на федеральные налоговые льготы для промышленных городов, находящихся в бедственном положении (в частности, Детройт) и 1 млрд. — на создание инновационных центров [9].

Таким образом, как показывает американский опыт, в постиндустриальной экономике промышленность сжимается до узкого хай-тэк сегмента, не обеспечивающего занятости широких масс населения и умножения среднего класса. Одновременно усугубляется разрыв между стагнирующим реальным производством и финансовым сектором, абсорбирующим ресурсы, не находящие применения в других сферах хозяйства, прежде всего в индустрии, тем самым провоцируя создание неустойчивой «экономики мыльных пузырей» [4, 154].

Список источников и литературы

1. Быков П. Оглянитесь вокруг // Эксперт. 2013. № 7.
2. Вестник ДГТУ, 2010. Т. 10. № 6 (49)
3. Иноземцев В. Л. Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности // Российский химический журнал. 1999. № 6.
4. Мальцев А. А. Стратегии модернизации в мировой экономической практике. Екатеринбург : УрГЭУ, 2013.
5. Ashkenas R., Ulrich D., Jick T., Kerr St. The Boundaryless Organization. Breaking the Chains of Organizational Structure. San Francisco, 1995.
6. Fact Sheet: The President's Plan to Make America a Magnet for Jobs by Investing in Manufacturing. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/02/13/fact-sheet-president-s-plan-make-america-magnet-jobs-investing-manufactu>
7. Financial Times. 1998. January 22. Annex.
8. Science and Engineering Indicators 2012.
9. Shepardson D. White House wants \$7B to boost manufacturing sector // Detroit News Washington Bureau. February 13, 2013.